



ФРИДРИХ  
**НЕЗНАНСКИЙ**

ВОЗВРАЩЕНИЕ  
ТУРЕЦКОГО

*Последняя роль*

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

**Последняя роль**

«Автор»

## **Незнанский Ф. Е.**

Последняя роль / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,  
— (Возвращение Турецкого)

Некто Митрохин заявляет в «Глорию», что партнер по бизнесу хочет от него избавиться. Он сообщает время и место запланированного покушения и предлагает сыщику Плетневу хороший гонорар, если тот согласится помочь. А к Александру Борисовичу Турецкому обращается богатый бизнесмен из сибирского городка Лебедянска. Его дочь, актриса местного театра, исчезла. Бизнесмен просит Турецкого помочь ему в поисках дочери. Впрочем, выбирать Александру Борисовичу не придется. Ведь с этого момента жизнь пропавшей актрисы тесно связана с жизнью его жены – Ирины. Чтобы разрубить дьявольский узел и спасти жену от гибели, Александр Борисович отправляется в Лебедянск, где попадает в центр таинственных и зловещих событий...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

## Содержание

1	5
2	8
3	11
4	14
5	17
6	21
7	27
8	29
9	31
10	34
11	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# Фридрих Незнанский, Ренат Гильфанов

## Последняя роль

### 1

Клиент был очень тучен, но аккуратно причесан и опрятен. Он был одет в темно-серый костюм от Пола Смита, на жирном запястье поблескивали золотые часы «Патек Филипп». Маленькие глаза смотрели на сыщиков из-под толстых надбровных дуг сердито и требовательно.

Клиента звали Ильей Ивановичем Митрохиным. Миллионы долларов, хранящиеся на счетах в трех швейцарских банках, давали Митрохину уверенность в том, что весь огромный мир может легко уместиться в кармане его дорогого пиджака, – стоит только ему пожелать. На Плетнева и Турецкого он смотрел, как на свою собственность. Вернее, как на вещи, цена которым давно известна, и цена эта – ломаный грош.

Турецкий и Плетнев давно привыкли к таким взглядам, а потому вели себя спокойно, вежливо и корректно.

– Мне вас порекомендовали как отличного специалиста, – сухо прорычал Митрохин, недовольно глядя на Турецкого.

– Так и есть, – кивнул Александр Борисович.

Митрохин чуть прищурил маленькие, заплывшие глазки.

– Вы, в самом деле, раньше работали в прокуратуре?

– Было дело, – вновь согласился Турецкий. – А что?

– Нет, ничего. – Митрохин обвел сыщиков нахмуренным взглядом и сказал: – Работа, которую я хочу вам предложить, не слишком сложная. По крайней мере, для такого специалиста, как вы. Но заплачу я за нее щедро.

– Приятно слышать, – улыбнулся Александр Борисович. – Оплату мы обсудим чуть позднее. А пока – изложите суть проблемы.

Митрохин помолчал несколько секунд, потом выпалил:

– Меня хотят убить! – Произнеся эту сакраментальную фразу, он покосился сперва на Турецкого, затем на Плетнева, как бы желая удостовериться в том, что фраза произвела на сыщиков должный эффект.

Плетнев едва заметно усмехнулся, Турецкий слегка прищурил серые глаза.

– Вот как, – сказал он. – Кто именно хочет вас убить?

– Симонов. Иван Палыч. Мой партнер по бизнесу. Мы работаем вместе уже шесть лет. Видимо, он решил, что пора от меня избавиться.

Турецкий и Плетнев переглянулись.

– Откуда у вас такая информация? – спросил Плетнев.

– Из достоверного источника, – рыкнул в ответ Митрохин.

– Вы не хотите его называть?

– Нет.

Сыщики помолчали, ожидая, продолжения рассказа, но Митрохин, видимо, решил, что сказал достаточно.

– Чего же вы хотите от нас? – спросил, наконец, Александр Борисович.

– Завтра вечером... – Митрохин выпучил глаза и перешел на хриплый шепот. – ...Мой партнер Симонов попытается меня убить. Я хочу, чтобы вы «схватили его за руку». Возьми с личным.

Плетнев потер пальцами воспаленные после бессонной ночи глаза и вежливо поинтересовался:

– Почему бы вам не обратиться в милицию?

Митрохин поморщился и тряхнул толстыми щеками.

– Никакой милиции! По крайней мере, пока.

– Но...

– Вы хотите заработать или нет? – перебил сыщика сердитый толстяк. – Если хотите, не задавайте глупых вопросов! Если нет, я обращусь в другое агентство! Благо, вашего брата нынче в Москве хватает!

У Александра Борисовича проявилось жгучее желание дать толстяку по морде. «Саня, ты должен научиться сдерживать гнев!» – прозвучал у него в голове мягкий голос жены. Турецкий вздохнул, мысленно досчитал до десяти, чтобы успокоиться и обуздать гнев, и сказал:

– Я думаю, мы с коллегой можем за это взяться.

Толстяк подался вперед, навалившись грудью на стол и рявкнул:

– Сколько?

Александр Борисович подал знак Плетневу, тот взял из стаканчика карандаш, написал на листке бумаги цифру и протянул листок Митрохину.

Тот схватил листок толстыми пальцами, глянул на него и изумленно поднял брови.

– Не дороговато ли вы себя цените?

– Ничуть, – спокойно сказал Турецкий. – Это обычная такса за подобную работу.

– Хорошо. Четверть этой суммы я отсчитаю вам прямо сейчас. Это будет аванс. Остальное получите после выполнения работы.

– Обычно мы берем пятьдесят процентов в качестве аванса, – строго произнес Плетнев.

– А сейчас возьмете двадцать пять! – прорычал Митрохин. – Или я найму других людей.

Решайте.

Александр Борисович и Антон Плетнев переглянулись.

– Я думаю, мы можем сделать исключение, – сказал Турецкий.

– Идя вам навстречу, – строго добавил Плетнев.

Митрохин кивнул и полез в карман за бумажником.

– Цены не сложат... – презрительно бормотал он, доставая бумажник. – Всяк пёс за кость удавит...

Внезапно Турецкий быстро наклонился, схватил Митрохина за жирное, волосатое запястье и с силой прижал его к столу.

– А теперь слушайте меня внимательно, Митрохин, – сказал он ледяным голосом, глядя толстяку прямо в глаза. – С того момента, как мы возьмем аванс, вы будете тщательно следить за своей речью. И если вы еще хоть раз позволите себе оскорбить меня или кого-либо из моих коллег, я достану ствол и сам выбью мозги из вашей жирной головы. Вы поняли меня, Митрохин?

Взгляд Турецкого был колючим и ледяным. Митрохин несколько секунд смотрел ему в глаза, затем не выдержал, лицо его обмякло, губы потеряли твердое очертание.

– Ладно, – сказал он тихим голосом. – Ваша взяла. Я постараюсь держать себя в рамках. Я согласен. Заключайте договор, или что там, у вас, положено.

– Вот и хорошо, – сказал Александр Борисович и выпустил запястье Митрохина из своих железных пальцев. Затем откинулся на спинку стула и сказал: – Мое правило: корректность за корректность, хамство за хамство.

– И око за око, – усмехнулся Плетнев.

Митрохин посмотрел сперва на него, потом на Турецкого, нервно облизнул губы и сказал:

– Вы должны меня понять, парни. Не каждый день человека собирается убить его собственный партнер по бизнесу.

– Именно поэтому мы продолжаем этот разговор, – холодно произнес Александр Борисович.

После того, как договор был составлен, а деньги пересчитаны и спрятаны в сейф, Александр Борисович закурил сигарету, пристально посмотрел на Митрохина и сказал:

– Обговорим детали.

Спустя полчаса, когда за Митрохиным закрылась дверь, Антон Плетнев повернулся к Турецкому и сказал:

– Саш, можно вопрос?

– Валяй, – разрешил Турецкий, дымя сигаретой.

– Как ты это делаешь?

– Что именно? – не понял Александр Борисович.

– Да вот это. Один пристальный взгляд, и разъяренный волк тут же превратился в смиренного ягненка.

– А, ты про это, – Александр Борисович улыбнулся. – Это называется «взгляд на поражение». Это как у японских самураев. Когда два незнакомых самурая встречались на дороге, они не сразу хватались за мечи. Вернее сказать, они за них вообще не хватались. Они просто стояли и смотрели друг другу в глаза. Кончалось это тем, что один из них отходил в сторону, уступая дорогу сильнейшему.

– Как же они узнавали, кто из них сильней?

– А вот так и узнавали – по взгляду. Помнишь как у **Толстого?** «Глаза – зеркало души!»

Плетнев задумчиво поскреб в затылке, и Турецкий, видя его замешательство, весело рассмеялся.

– Да ну тебя, – фыркнул Плетнев. – Я серьезно спрашиваю, а ты...

– А я тебе серьезно и отвечаю.

– Ладно, проехали. – Антон улыбнулся. – Лучше скажи, где вы Новый Год праздновать будете? К нам с Васькой не соберетесь?

Александр Борисович покачал головой:

– Нет. Хотим отпраздновать вдвоем.

– Романтично, – заметил Плетнев.

– Будешь зубоскалить, не пригласим на Рождество, – предупредил его Турецкий. – А на Рождество у нас будет огромный жирный гусь. Он уже дожидается своего часа на балконе.

– Ого! Откуда такая экзотика?

– Ирине клиентка приволокла. Плата за счастливое избавление от невроза.

– Везет же некоторым, – вздохнул Плетнев. – А мне мои клиенты только ручки дарят. У меня уже три позолоченных «паркера» в столе. И все фальшивые!

Плетнев засмеялся, однако Турецкий на этот раз остался серьезен.

– Не нравится мне этот Митрохин, – задумчиво проговорил он. – Что-то в нем есть... неискреннее.

Антон пожал плечами:

– Не знаю, Саш. По мне обычный толстосум. А насчет искренности, так они ее еще в школе за пирожок продали. Да и хрен с ним, он ведь к нам не исповедоваться пришел.

Турецкий тряхнул головой.

– Да, Антоша, ты прав. Сегодня праздник, Новый Год. Незачем портить себе настроение из-за обычного хама.

## 2

В запасе был еще час. Александр Борисович уже готов был спуститься в метро, но в запасе был еще час. Если выпить бокал пива, это займет не больше двадцати минут. А рюмку водки – и того меньше. Потом можно ехать домой. Да, потом можно спокойно ехать домой. Просто странно, как меняется мир после одного-единственного бокала пива. Рюмка водки в этом деле предпочтительнее, но пить водку в одиночестве почему-то считается плохим тоном. Если человек (интеллигентный и прилично одетый человек, уточним для ясности) заказывает себе в баре рюмку водки, окружающие тотчас принимаются смотреть на него с сочувствием. «У парня явно что-то случилось», – думают они.

Никого и никогда не убедишь в том, что пьешь водку... просто потому, что хочешь водки, если на тебе приличный костюм, а на носу у тебя поблескивают очки в золотой оправе. Приличный человек по определению не должен пить водку в одиночестве. Другое дело «неприличный» – этому позволено все. Даже если он запьет водку пивом, на него никто не посмотрит косо. Потому как что же с него взять, с неприличного-то?

– Александр Борисович, вы?

Турецкий отхлебнул пива и покосился на подошедшего человека. Физиономия была отдаленно знакомая. Впрочем, слишком отдаленно, чтобы забивать себе этим голову.

– Нет, вы обознались, – сухо ответил Турецкий.

Мужчина усмехнулся.

– Не валяйте дурака. Я ведь вас узнал.

Турецкий поставил бокал с пивом на стойку бара и повернулся к незнакомцу.

– И что теперь?

– Да ничего, – ответил тот, улыбаясь. – Просто приятно видеть вас в добром здравии.

– Мне приятно, что вам приятно. Всего доброго! – равнодушно проговорил Александр Борисович и снова взялся за свое пиво.

– Эге, да вы меня, я вижу, не узнали. Я Слава Прокофьев. Владелец автомастерской, помните? Вы меня посадили четыре года назад за... Впрочем, уже не важно, за что, поскольку свой срок я оттрубил.

– Я многих посадил. – Турецкий отхлебнул пива и снова покосился на мужчину. – И что теперь? Хотите расквитаться со мной за прошлые обиды?

Мужчина засмеялся.

– Вот еще! Да какие там обиды! Если б не вы, я бы сейчас до сих пор чалился на нарах. Вы меня на два года посадили и от большой беды уберегли. Парни те, с которыми я связался... они ведь через полгода после меня сели. Только уже за вооруженный налет и убийство милиционера.

– Не повезло, – заметил Турецкий.

– Им – нет, – отозвался мужчина. – А мне – да. Не посади вы меня тогда, я бы с ними был. И получил бы на полную катушку. А теперь я вот он – перед вами! Отмотал свою полторашку и вышел за примерное поведение – чистый перед Богом и людьми.

– И готовый к новым подвигам?

Улыбка сошла с лица мужчины.

– Чего? – недоуменно переспросил он.

– Ничего. К слову пришлось.

Мужчина помолчал.

– Вижу, Александр Борисыч, у вас сегодня мрачное настроение. Что-то случилось?

Турецкий нахмурился.

– Слушай, приятель, – нетерпеливо проговорил он, – иди своей дорогой. Я тебя не помню, да признаться, и вспоминать не хочу. За свою жизнь я пересажал полсотни человек. И ни один из них не стоит того, чтобы я заводил с ним дружбу.

– Это не важно, – отрезал мужчина. – Не важно, что вы меня не помните. Главное, что я вас помню. Знаете, Александр Борисыч а я ведь о вас часто думал. Там, на киче... Поначалу думал: выйду, найду вас и убью. Даже представлял себе это. Как я вас темным вечерком, из-за угла... А потом, когда узнал про дружков своих, так Богу за вас молиться стал. Это он меня уберег. Он, но вашими руками.

Турецкий молчал. Всё, что он хотел, это зайти в бар, выпить кружку пива и побыть немного одному – перед тем, как вернуться домой и продолжить изображать из себя счастливого супруга. Но даже этого не получилось. Что же это за жизнь такая?

– Я... – начал было Турецкий, гневно сдвигая брови, но мужчина остановил его жестом.

– Я всё понял. У вас нет настроения, и вы не хотите со мной разговаривать. Что ж, может быть, когда-нибудь. Вот вам моя визитная карточка. – Мужчина достал из кармана пиджака визитку и положил ее на барную стойку. – Я ваш должник, Александр Борисович. И если когда-нибудь понадобится моя помощь, – я к вашим услугам.

– Спасибо, – мрачно сказал Турецкий, даже не глянув на визитку.

– Не за что. С Новым Годом вас! Вас и вашу супругу!

– И вам не хворать, – отозвался Турецкий, по-прежнему не глядя на незнакомца.

Тот повернулся, чтобы уйти, но вдруг остановился.

– Александр Борисович... не знаю, вправе ли я просить. Дело в том, что я наводил о вас кое-какие справки...

– Зачем?

– Сперва – чтобы найти вас и... в общем, чтобы по-мужски поговорить. А потом... – Он пожал плечами. – По привычке, что ли.

Александр Борисович молчал, с нетерпением ожидая, когда мужчина кончит болтать и уберется по своим делам.

– Так вот, – продолжил тот, – я в курсе, что вы больше не работаете в прокуратуре. Я читал статью про взрыв в детском доме. И заужал вас после этого еще больше.

Турецкий вздохнул и поставил бокал на стойку.

– Можно ближе к делу? – начиная раздражаться, произнес он.

Мужчина виновато улыбнулся.

– Да-да, конечно. Короче, я знаю, что вы сейчас работаете в частном сыскном агентстве. И, кажется, у меня есть для вас работа.

Турецкий усмехнулся. Ситуация была забавна. Бывший зэк, которого несколько лет назад Александр Борисович упрятал за решетку, предлагал ему работу. Какие сюрпризы преподносит нам жизнь!

– Ну, и что это за работа? – с сухой иронией осведомился Турецкий.

Мужчина посмотрел на часы.

– У меня сейчас нет времени рассказывать. Но я буду рад, если вы позвоните мне. Клиент не я, клиент мой отец. Дело у него конфиденциальное, и он сам переговорит с вами о нем. Кстати, насколько я знаю, он готов щедро заплатить. По-настоящему щедро.

«По-настоящему щедро!» Турецкий усмехнулся, но ничего не сказал.

– Визитку я вам дал, так что – звоните! А сейчас прошу прощения, но мне пора. Через полтора часа надо садиться за стол, а мне еще добираться до Медведково, и потом еще двадцать минут трястись на автобусе. Всего доброго, Александр Борисович! Буду рад, если вы позвоните!

Дождавшись, пока он уйдет, Александр Борисович допил пиво, швырнул на железную стойку смятую купюру и направился к выходу.

– Карточку забыли! – окликнул его бармен.

Пришлось вернуться и сунуть в карман эту идиотскую карточку.

После духоты бара воздух улицы, насыщенный выхлопными газами автомобилей, показался Турецкому чистым и свежим. Нужно было идти домой. Но на душе у Турецкого до сих пор было как-то странно.

Сегодня последний день уходящего года. самого страшного года в жизни Турецкого. И не только в его жизни, но и в жизни Ирины. За прошедший год она пережила столько несчастий и горя, что другому хватило бы на всю жизнь. И всё по вине драгоценного муженька – Александра Борисовича Турецкого, когда-то отважного следака, а нынче калеки с частной лицензией, которая годится лишь на то, чтобы подтереть ею задницу! В этом-то всё и дело. В том-то и дело...

Вот и этот мужик. Лицо знакомое, но вспомнить невозможно. А ведь еще год назад он помнил – по крайней мере в лицо – практически всех фигурантов, которые когда-нибудь проходили по одному из его дел. А теперь память преподносит неприятные сюрпризы. Словно решила выбросить из головы воспоминания, связанные с работой, как ненужный мусор. Но образовавшуюся пустоту нужно чем-то заполнять. Чем, скажите на милость? Впечатлениями новой жизни? Жирным хамом Митрохиным? Его чертовым партнером, который решил в первый новогодний день прикончить своего старинного приятеля?

Турецкий сунул в рот сигарету и недовольно пробормотал:

– Не слишком ли много дерьма для новой жизни?

Затем усмехнулся, прикурил сигарету, вздохнул и медленно побрел в сторону метро.

### 3

Всё-таки Новый год – замечательный праздник. Казалось бы, давным-давно вырос, стал взрослым, да чего там взрослым – стареть самое время! – а всё смотришь на нарядную елку, всё ждешь чего-то. Будто и впрямь с двенадцатым ударом курантов жизнь переменится. Причем, в лучшую сторону.

Потом с громким хлопком вылетает пробка, шампанское льется в бокалы, затем благородную струю шампанского сменяет менее благородная, но более родная струя водки, и вдруг оказывается, что на часах уже шесть утра... Ты идешь спать и спишь крепко-крепко, по крайней мере, до тех пор, пока тебя не разбудит грохот петард, которые под окнами бросают мальчишки. Наконец, ты просыпаешься, опохмеляешься (если есть такая потребность), доедаешь салат-оливье, потом снова пьешь... И снова... А когда уже водка не лезет в горло, и от селедки под шубой мутит, ты узнаешь, что каникулы закончились и начинаются будни... И всё возвращается на круги своя.

Никаких чудес, никаких сказочных превращений. Тыква так и остается тыквой, а крысы даже не думают превращаться в прекрасных скакунов. И ты сидишь как-нибудь вечером на кухне, смотришь в темный квадрат окна, и чей-то голос внутри тебя мрачно произносит: «Жизнь – дерьмо».

Вот такие мысли роились в голове у бывшего «важняка», а ныне сотрудника детективного агентства «Глория» Александра Борисовича Турецкого.

Однако в телефонном разговоре с Меркуловым он их, ясное дело, озвучивать не стал. Зачем портить человеку настроение?

Константин Дмитриевич был приятно, по-праздничному, возбужден. По всей вероятности, он уже успел немного принять.

– Мы только что из театра! – сообщил Меркулов Турецкому, едва поздоровавшись. – Смотрели «Щелкунчика»! Думал – усну, а ничего. Понравилось даже. Смотрел?

– Нет, – сухо ответил Александр Борисович.

– А на улице хорошо-то как, а! – не обращая внимания на невеселый тон друга, продолжил Константин Дмитриевич. – Радостные физиономии вокруг, все навьюченные подарками, пахнет елкой... Кстати, приезжайте к нам ночью, а? Тем более, Ирина давно уже не была у нас в гостях. Моя по ней даже соскучилась. Говорит, не с кем побеседовать по душам.

– Спасибо, Кость, но вряд ли.

– Чего так?

– Старые стали, ленивые, – усмехнувшись, ответил Турецкий. – Вот вас в гости с удовольствием примем. Ирка столько всего наготовила, что нам за год не съесть.

– Да я бы с радостью, но к нам кум с семьей приехал. И потом, боюсь, что после часа ночи я буду уже не транспортабелен, а моя машину не водит. Слушай, я что хотел спросить: у тебя нога как?

– Нормально. А что?

– Да мне тут одного классного врача посоветовали. Я ему про тебя рассказал... Ну, про то, что у тебя в непогоду...

– Уже нет, – оборвал друга Турецкий.

– Сань, не ерепенься. Он, правда, отличный врач.

– Спасибо за трогательную заботу, – с мрачной насмешливостью буркнул в трубку Турецкий. – Куда бы я без вашей заботы, Константин Дмитриевич. Сначала укатали человека под асфальт, а потом интересуетесь, как он там, под асфальтом, поживает. Трогательно, аж слезы из глаз.

Меркулов помолчал.

– Зря ты так, Сань, – сказал он после паузы и уже не таким веселым голосом. – Я ведь хотел...

– Сань! – крикнула из кухни Ирина. – Иди помоги!

Турецкий поспешно распрощался с Меркуловым и положил трубку. Сентиментальные излияния подвыпившего друга не развлекали, не радовали и не умиляли его. А раз так, чего тут обсуждать?

На кухне Ирина быстро взяла мужа в оборот и заставила его чистить овощи.

– Ир, у нас что, гости будут? – поинтересовался Александр Борисович, с явным неудовольствием поглядывая на гору моркови, свеклы и маринованных огурцов, с которых ему полагалось снять шкурку.

– Не знаю, – ответила Ира, не отрываясь от работы. – Может, кто и зайдет. Но вряд ли.

– Тогда зачем столько всего?

– Ну, как... – Ирина пожала плечами. – Новый год всё-таки. Согласись, если в Новый год стол не уставлен яствами, то он выглядит несколько уныло.

– Но зачем так много? – повторил Турецкий. – Можно было обойтись парой салатов да этим гадским гусем.

– Турецкий, не брюзжи. Съешь ты своего гуся за раз, а завтра и послезавтра что будешь есть? Я в праздники с утра до вечера у плиты стоять не собираюсь.

– Отлично, – скептически улыбнулся Александр Борисович. – Тогда у меня ращпредложение. Давай отварим тонну картошки и будем есть её весь последующий год. И готовить не надо: разогрел – и порядок. А можно еще сухарей засушить.

– Турецкий, замолчи!

– А можно пирожков нажарить – штук пятьсот. Будет с чем на двадцать третье февраля чай пить.

Ирина швырнула нож на доску и резко повернулась к Турецкому.

– Сань, да что с тобой такое, а? Ты уже с Меркуловым поссорился, теперь и со мной хочешь?

– А ты всё слышишь, – пробурчал Турецкий.

Ирина вытерла руки о полотенце, поправила фартук и сказала:

– Давай, я готова.

– К чему? – не понял Турецкий.

– Слушать гадости, которые ты мне скажешь. Только давай выкладывай всё сразу, – всё, что накопилось. Чтобы за праздничным столом мы пили шампанское, а не выясняли отношения.

Турецкий стушевался.

– Ир, я не собираюсь с тобой ссориться.

– Правда? Тогда что же ты делаешь последние двадцать минут? Да какие там минуты, что ты делаешь последние несколько месяцев?

– Я что я такого делаю?

– Ты делаешь все, чтобы я с тобой развелась.

– Правда?

– Правда.

– Гм... – Турецкий насмешливо почесал затылок. – А мне казалось, наш союз нерушим. Но если ты хочешь...

– Ох-х, – вздохнула Ирина Генриховна. Затем усмехнулась и продекламовала:

Умоют меня и причешут  
Заботливой, нежной рукой.  
И в новое платье оденут,

Как гостя на праздник большой.  
При громком торжественном пении,  
При блеске свечей восковых  
В строгом и важном молчании  
Я встречу друзей дорогих...

– Что это? – нахмурился Турецкий, стихи ему явно «не пришлись».  
– Не помню. Из какой-то книжки.  
– И зачем ты мне это прочла?  
– В голову пришло. – Взгляд Ирины стал грустным и насмешливым. – Смотрю я на тебя, Турецкий, и сердце кровью обливается. Тебе самому-то не надоело?

– Что?

– Жалеть себя.

– Ир, – угрюмо проговорил Александр Борисович, – это запрещенный удар.

– Раньше ты не был таким ранимым.

– Раньше я был старшим следователем Генпрокуратуры. Должностным лицом весьма высокого полета. А должностное лицо не имеет право показывать слабые места.

Ирина снова вздохнула. Она была очень терпеливой женщиной, но этот разговор утомил и ее.

– В общем, так, Турецкий, – сказала она устало и тихо. – Сегодня у нас будет праздничный ужин. И уж будь добр, сделай над собой усилие, выдай мне хотя бы пять улыбок за ночь.

– Тебе это будет дорого стоить, – съязвил Александр Борисович.

– Ничего, я готова заплатить.

– Чем? – поинтересовался Турецкий.

– Как чем? Харчами!

Турецкий хотел сурово нахмуриться, но не выдержал – рассмеялся.

– Ладно, жена, почищу я тебе твои овощи. Но смотри: если ужин мне не понравится, и все мои усилия зря, взыщу по полной программе. Кстати, Нинка еще не звонила?

– Нет.

– Родили себе блудную дочь, – проворчал Александр Борисович. – И что бы ей дома Новый год не встретить, а? С отцом, с матерью. Ведь Новый год – семейный праздник. По крайней мере, в книжках так пишут.

Ирина пожала плечами:

– Ей с нами скучно, Сань. Ведь мы с тобой для нее старики.

– Глупости. Что они такого знают, эти молодые, чего не знаю я? Можешь мне ответить на этот вопрос?

– Запросто. Ты, например, знаешь, как называется последний альбом Бритни Спирс?

– А кто это? – поднял бровь Александр Борисович.

Ирина усмехнулась.

– Вот то-то и оно. Темный ты человек, Турецкий. О чем с тобой можно говорить?

Александр Борисович вздохнул:

– Да, жена... Отстали мы с тобой от жизни.

## 4

Праздничный стол был великолепен. В вазочках из хрусталя и венецианского стекла играли всеми цветами радуги салаты. В огромном блюде в центре стола красовался, играя золотистой корочкой, печеный гусь, обложенный запечеными яблоками. В маленькой серебряной икорнице сверкала гроздь рубиновых шариков икры. Шампанское играло и искрилось в хрустальным фужерах.

Турецкий окинул стол взглядом и восхищенно проговорил:

– Все эти блюда стоило готовить уже ради того, чтобы на них посмотреть!

– Вот видишь, – улыбнулась Ирина. – Эстетическое наслаждение ты получил. Осталось получить гастрономическое.

– Да ведь эту красотищу даже есть жалко, – сказал Александр Борисович. – Ну, какой варвар посмеет ткнуть ложкой... ну, к примеру, в эту «мимозу»?

– Этим варваром буду я, – сказала Ирина. – Давай тарелку!

Ирина смело загребла ложкой салат и положила на тарелку мужу.

– Ну вот, одной красотой на земле стало меньше, – вздохнул Александр Борисович.

– Ничего. Зато одним сытым мужчиной станет больше, – насмешливо возразила Ирина.

– Ой! – воскликнула вдруг она, уставившись на экран телевизора. – Кажется, он уже заканчивает. Сделай скорей погромче!

Турецкий взял пульт и прибавил громкость телевизора.

– ... чем в прошедшем году, – с улыбкой закончил президент. – С новым годом вас, дорогие друзья! С новым счастьем!

Президент страны отсалютовал Ирине и Александру Борисовичу фужером с шампанским. Картинка на экране сменилась. Теперь вместе загорелой и бодрой физиономии президента показывали огромный циферблат с бодро скачущей по кругу секундной стрелкой.

– Саня, ты чего сидишь? Обнови скорей бокалы!

Забили куранты. Турецкий взял бутылку и «освежил» шампанское в бокалах. В телевизоре отзвенел последний удар курантов, и грянула музыка.

– За счастье! – сказала Ирина.

– Чтоб у нас всё было хорошо! – отозвался Александр Борисович.

Супруги чокнулись фужерами и выпили.

– Отлично! – улыбнулась Ирина. – Как же я люблю Новый год!

– Как же я люблю шампанское! – иронично отозвался Турецкий. – Хотя водочку всё же больше.

– Тебе положить чего-нибудь?

– Спрашиваешь! Я хочу попробовать всё, что ты приготовила.

– Для этого тебе придется шевелить челюстями до самого утра.

– Я к тому готов, – кивнул Александр Борисович.

На экране телевизора закружился, заискрился и зашумел «Голубой огонек». За последующие полчаса Турецкий успел перепробовать добрую половину всех яств, произнести четыре тоста и разлить по фужерам бутылку шампанского.

И тогда его вдруг пробило на сантименты.

– Ир, – сказал Александр Борисович проникновенным голосом, глядя на жену мягкими, мерцающим взглядом. – В том году я умер, причем два раза... Первый раз, когда просто выключился свет... Я взрыва не слышал, просто вдруг стало темно... А потом, в темноте я услышал твой голос... И вернулся. Оказалось, что это совсем не страшно... Просто как уснуть и проснуться... А потом я умер по настоящему... Внутри меня больше не было желаний –

пустота быстро наполняется, – и она наполнилась... Подозрительностью... Злобой... Ревностью... Ир... Прости меня за все... Я вернулся...

Ирина прикрыла ладонь мужа своей ладонью.

– Прости, что дала тебе повод, – тихо сказала она. – Я не могла честно сказать ни тебе, ни себе, что где-то в глубине души, я тебя винила за... нашего нерожденного ребенка.

Турецкий хотел что-то сказать, но Ирина легонько коснулась его губ пальцами.

– Тссс. – Она улыбнулась. – Я сейчас скажу и больше никогда не буду... Прости, что всю свою преданность, теплоту, любовь перенесла на Васю.

Александр Борисович снова хотел что-то сказать, но и на этот раз теплые пальцы жены легли ему на губы.

– Что он стал мне... как сын, – продолжила она. – Прости, что при этом забыла о тебе.

Александр Борисович пристально разглядывал лицо жены, так, словно увидел его впервые. «Она по-прежнему красива, – думал он. – Эта женщина вообще не стареет. Не то что я – старый барбос. И что она во мне нашла? Желчный, злой, вечно недовольный... Нет, я бы на ее месте давно бы бросил такого кретина. Однозначно».

– О чем задумался? – спросила Ирина.

– Да вот думаю, какая ты у меня красавица.

– Ты только сейчас это разглядел? – кокетливо поинтересовалась Ирина.

– Видимо, да.

Ирина вздохнула:

– Балбес.

Александр Борисович тихо засмеялся. Потом плеснул в фужеры шампанское и провозгласил:

– За тебя, Ир!

– За тебя, Саш! С Новым годом!

Они чокнулись фужерами и выпили.

– А все-таки здорово, что мы с тобой сегодня одни, – сказал Турецкий, глядя на жену мерцающим взглядом. – Когда бы еще удалось так поговорить.

– Ты прав. Стоило ждать Нового года ради одного такого разговора. Ведь в другое время тебя никаким калачом не заманишь домой. Целый день где-то бегаешь. Придешь, поешь и – бегом в свой «кабинет».

– Неужели я так делаю? – удивился Александр Борисович.

– Угу, – кивнул Ирина, глядя на Турецкого поверх фужера смеющимися глазами.

– В таком случае, я действительно балбес!

Турецкий допил шампанское и отодвинул от себя тарелку.

– Что-то я не то говорю, Ир, – сказал он, не отводя взгляда от лица жены. – Знаешь, что я подумал?

– Что?

– А ну его это застолье... – С этими словами Александр Борисович передвинулся на диване, так, чтобы быть поближе к жене. – В народе как говорят?

– И как же? – лукаво улыбнулась Ирина.

– Как Новый год встретишь, так и проведешь!

– Неужели это правда?

– Конечно. Народ зря не скажет.

Александр Борисович обнял жену и поцеловал ее в губы. Ирина смешливо поежилась.

– Сашка, дурень... Ну, где у тебя мысли, а? В каком месте?

Турецкий взял руку жены, поцеловал и положил себе на плечо. Потом вновь принялся целовать лицо жены – такое знакомое и такое незнакомое, такое милое и такое строгое.

– Ой! – с смехом сказала Ирина. – Что-то мне шампанское в голову ударило...

- Тебя это расстраивает? – осведомился Турецкий, на секунду прервав поцелуи.
  - Наоборот. Мне этого так давно не хватало.
- Она обхватила взлохмаченную голову Турецкого и прижала ее к груди.

## 5

Проснувшись рано утром, Турецкий сходил на кухню и выпил рюмку ледяной водки, закусив ее вчерашним салатом, который, постояв ночь в холодильнике, стал в десять раз вкуснее. Если и было похмелье, то после рюмки водки его как рукой сняло.

Александр Борисович выкурил сигарету, вмял окурочек в пепельницу и вернулся в спальню. Некоторое время он стоял перед кроватью, глядя на спящую жену и улыбаясь. Всё-таки Ирка обалденно красивая женщина, подумал он. И как она со мной живет, с таким ослом? Могла бы найти себе какого-нибудь олигарха... Они нынче любят умных да красивых. Глупые куклы с ногами от ушей их уже не устраивают. Внезапно в голову Турецкому пришли стихи. Он присел на край кровати и тихо зашептал.

Твои глаза – как чистые озера,  
Где крохотные камушки на дне,  
Где водорослей тонкие узоры,  
Где сам я отражаюсь в глубине...

Ирина улыбнулась во сне.

– Ты моя лапа, – прошептал Турецкий, наклонился и осторожно, чтобы не разбудить, поцеловал жену в щеку.

Затем примостился рядом и, сладко зевнув, тут же уснул.

Проснулся он спустя три часа. Ирины рядом не было, но из комнаты раздавался ее негромкий голос – она с кем-то беседовала по телефону.

Александр Борисович лежал в постели и, весело щурясь, поглядывал в окно. Настроение было отличное. Он знал, что сейчас встанет, пройдет на кухню, достанет из холодильника пару вазочек с салатами, графин с недопитой водкой, огурчики и... При мысли об этом «и» на душе у бывшего «важняка» стало тепло и уютно.

Ирина в гостиной положила трубку. Послышались ее легкие шаги, дверь распахнулась и она вошла в спальню.

– А, ты уже проснулся. Как самочувствие в первый день нового года?

– Лучше, чем в последний день старого. А ну-ка, иди сюда! – Турецкий хлопнул ладонью по постели.

Ирина села на кровать, наклонилась и поцеловала мужа в губы. Лицо ее, однако, выглядело встревоженным.

«Плохие новости», – понял Александр Борисович и почувствовал, как отличное настроение куда-то улетучивается. Ни дня без плохих новостей. Когда же это кончится!

– Ир, кто звонил? – тихо спросил Турецкий.

– Алина. Моя троюродная сестра из Астрахани.

– Это которая? Такая двухметровая дылда с рыжими волосами?

Ира покачала головой:

– Нет. Невысокая, черненькая. У нее отец татарин.

– А, помню, помню. Зажигательная дамочка. И чего она хотела? Уж не в гости ли решила пожаловать? Если так, то я согласен. Завсегда рад хорошенькой женщине.

– Сань, прекрати юродствовать.

– Оп-па. – Александр Борисович нахмурился. – Кажется, я не «догнал» ситуацию, как говорит наша дочь. Что случилось?

– У Алины маленький сын – Марат.

– Да-да, я помню, – кивнул Турецкий. – Маратик. Славный мальчуган. С ним что-то случилось?

– Случилось, Сань. Он попал под машину. Множественные повреждения внутренних органов. Нужна операция.

Турецкий вздохнул и потер волосы.

– Н-да, дела. Мы можем чем-то помочь?

Ирина пересела на диван и задумчиво сложила руки на груди.

– Ир, так чем мы можем помочь? – повторил вопрос Турецкий.

Ирина вздохнула:

– Боюсь, что почти ничем. Операция очень дорогостоящая. Нужно отвезти мальчика в Германию. Мужа у Алины, как ты помнишь, нет. Родители ее далеко не миллионеры, даже наоборот. Живет в заводском общежитии. В общем, деньги взять неоткуда.

– Так надо обратиться с призывом к каким-нибудь спонсорам. Дать объявление в Интернете и так далее.

– Уже давала.

– Ну и?

– Собрала только четверть суммы.

– Значит, надо еще раз бросить клич.

– Она готова, но времени уже нет. Через пять дней Марата нужно везти в клинику. Иначе всё.

Александр Борисович задумался.

– Черт, и мы с тобой нынче не при деньгах. Нинке за семестр не заплатили. И за ремонт машины я еще не расплатился. Сколько хоть нужно-то?

– Вместе с реабилитационным курсом тридцать тысяч долларов.

Турецкий присвистнул.

– Ого!

– Вот тебе и ого. Жалко мальчишку. Очень способный парень. С четырех лет на пианино играет. Сейчас в музыкальной школе для одаренных детей по классу композиции учится.

– Сколько ему сейчас?

– Как Ваське. Десять. – Ирина страдальчески сжала пальцы. – Черт, и ведь ничем нельзя помочь.

Александр Борисович помолчал.

– Да, сумма большая, – выдал он, наконец. Протянул руку и погладил жену по плечу. – Ну, зая, не расстраивайся ты так. Я попробую что-нибудь придумать. У меня много знакомств, ты же знаешь.

– Не думаю, что твои знакомства тут помогут, – грустно сказала Ирина. – Никто не захочет отстегнуть с барского плеча тридцать тысяч. Это ведь не вложение денег, а акт милосердия. На это мало кто способен.

– У меня есть пара толстосумов, которые...

– Саш, кончай, а! – Ирина поднялась.

Она была очень расстроена. Турецкий поскреб в затылке. Затем протянулся за сигаретами и пошарил, не глядя по тумбочке. Пальцы его наткнулись на маленький картонный прямоугольник. Турецкий машинально поднес его к лицу и прочел:

*Вячеслав Иванович Прокофьев*

*Менеджер*

*Фирма «Ваш праздник»*

– Эт-то еще кто? – растерянно проговорил Александр Борисович и вдруг вспомнил. – А, старый знакомый...

– Ты это о ком? – спросила Ирина без всякого любопытства.  
– Да встретил вчера одного знакомого в баре...  
– В баре?  
– Ну да. Заскочил на минутку выпить бокал пива и... Пстой... – Турецкий приподнялся на локте. В ушах у него зазвучал голос Прокофьева, зазвучал отчетливо и внятно:

*«Александр Борисович, кажется, у меня есть для вас работа. Клиент не я, клиент мой отец. Дело у него конфиденциальное, и он сам переговорит с вами о нем. Кстати, насколько я знаю, он готов щедро заплатить. По-настоящему щедро».*

– Он готов щедро заплатить, – пробормотал Турецкий.  
– Что? – не поняла Ирина, с легким удивлением посмотрев на мужа. – Кто готов заплатить?  
– Гм... – Александр Борисович задумчиво потер нос. – Что ж, посмотрим, насколько ты щедр, приятель.

– Саш, ты о ком говоришь-то?

– Да о вчерашнем знакомом из бара. Я совсем забыл, а он ведь предлагал мне работу.

– Что за работа? – насторожилась Ирина.

Турецкий пожал плечами:

– Понятия не имею. Я был не в настроении с ним разговаривать. Да и ему некогда. Всё-таки новогодний вечер...

Ирина посмотрела на визитную карточку, которую Александр Борисович все еще вертел в пальцах.

– Это его визитка?

– Угу. Надо бы позвонить.

– Но ведь у вас уже есть работа. Ты вчера рассказывал. Какой-то Митрохин...

– Ну, с «делом Митрохина» мы покончим сегодня вечером, – усмехнулся Турецкий. И подумал: «Если, конечно, его не прикончат раньше».

– А потом? – спросила Ирина.

Александр Борисович дернул уголком губ:

– Да в том-то и дело... Как в финале Гамлета». «Дальше – тишина». Так, мелочевка всякая, ничего серьезного и денежного. – Он снова взглянул на визитную карточку. – А вот господину Прокофьеву я позвоню.

– Он богат?

Турецкий покачал головой:

– Вряд ли. Если только не подпольный миллионер. Но он что-то говорил про своего отца. И я сейчас припоминаю... – Турецкий наморщил лоб. – Да, помню. Отлично помню! Его отец приходил тогда ко мне. Пытался всучить взятку.

– Ты взял? – насмешливо осведомилась Ирина.

– А как же! Я ведь не дурак отказываться от денег!

– Куда же ты их подевал?

– Как всегда, потратил на казино и дорогих проституток.

Ирина улыбнулась.

– Ну, на это не грех и потратить. Один раз живем!

Они переглянулись и рассмеялись.

– А если серьезно, Сань, что это за человек?

– Ты об отце?

Ирина кивнула:

– Угу.

– Да мутный какой-то господин. Насколько я помню, у него было что-то вроде казино... Где-то в провинции. Или игорный зал... Или еще что-то в этом роде.

– Если так, то деньги у него водятся. – Ирина взяла с тумбочки телефонную трубку и протянула ее мужу. – Турецкий, звони немедленно.

– Что, даже кофе не попью? – с напускным недовольством спросил Александр Борисович.

– Позвони, а потом попьем вместе. Если договоришься о встрече, я тебе разрешу выпить не только кофе, но и рюмку водки.

– Водки? – шутливо воскликнул Турецкий. – Ты что, серьезно?

– Вполне, – в тон ему ответила Ирина. – Видишь, на какие жертвы я готова пойти ради Алины и ее сынишки!

При упоминании о больном мальчике Ирина опять приуныла.

– Ладно, зая, не грусти заранее. – Александр Борисович взял телефон и поцеловал теплую ладонь жены. – Прорвемся!

Жена внимательно на него посмотрела и улыбнулась.

– Ты знаешь, Сань, когда ты так говоришь, я ничего не боюсь. Ладно, пойду сделаю тебе кофе.

Ирина чмокнула мужа в нос и ушла на кухню. Турецкий подождал, пока за ней закроется дверь и набрал номер, указанный в визитке.

– Слушаю вас, – почти тотчас же отозвался на том конце мужской голос.

– Я говорю с Вячеславом Ивановичем Прокофьевым?

– Да, Александр Борисович, это я. Как хорошо, что вы позвонили...

\* \* \*

Ирина поставила турку на плитку и присела на табурет. Лицо у нее было грустным, по краям рта проступили две тонкие морщинки. В памяти у нее возникло веселое лицо маленького Маратика. Мальчишка, в самом деле, был очень смышленный. В последний раз Ирина видела его года четыре назад. Тогда у них состоялся очень серьезный и очень взрослый разговор.

– Тетя Ира, а почему у вас нет сынишки? – спросил мальчуган.

– У нас с дядь Сашей есть дочка, – улыбнулась в ответ Ирина.

– А у моей мамы есть и сынишка и дочка!

– Да, я знаю.

Тогда, вертясь на коленках у Ирины, мальчишка выдал фразу, которая на всю жизнь засела у нее в памяти.

– Теть Ира, если я умру, у мамы останется Гузель!

Ирина улыбнулась.

– Ты будешь жить долго и счастливо. И доживешь до самой старости! Будешь седым-седым дедушкой!

Мальчик улыбнулся в ответ и произнес – задумчивым, странным и совсем не детским голосом:

– Может быть, и буду. А может быть, и нет. Мне приснилось, будто я умер, и мама плачет. И тогда я подумал, что это хорошо, что у мамы есть еще и дочка. Вам тоже надо родить еще одного ребеночка!

– Хорошо, убедил. Я обязательно рожу второго ребеночка. А ты взамен перестань думать о всяких глупостях, хорошо?

– Хорошо, – кивнул малыш.

Кофейная пена с шипением выплеснулась на конфорку. Ирина быстро переставила турку на стол, снова опустилась на табурет и горько разрыдалась.

## 6

Иван Максимович Прокофьев, отец Вячеслава, оказался невысоким, ладно скроенным мужчиной лет шестидесяти, с приятным, хотя и несколько одутловатым, лицом и седыми волосами, аккуратно зачесанными набок. На подбородке у него красовалась седая бородка-эспаньолка, делавшая его похожим на какого-нибудь писателя или ученого. Вместо галстука Иван Максимович носил яркую шелковую бабочку.

Они сидели за столиком кофейни, у самого окна, так, что солнечные лучи, падая на белую скатерть и белые чашки, воспаляли их и заставляли мужчин щуриться.

– Отличный сегодня день, – сказал Прокофьев, попыхивая трубкой и поглядывая на Турецкого небольшими, внимательными глазами.

– Да, неплохой, – согласился Александр Борисович.

Турецкий был готов к любому повороту дела. Если условия окажутся нелепыми, а задание невыполнимым, он просто встанет и покинет кафе. Но если дело покажется вполне осуществимым, а условия – приемлемыми – в этом случае Александр Борисович был не намерен медлить. Он подпишет договор и уйдет отсюда с авансом в кармане. Подобный исход встречи был заранее обговорен в телефонном разговоре. В сумке у Турецкого лежал бланк договора с печатью агентства и пустыми графами, которые можно было заполнить в течение десяти минут.

– Спасибо, что согласились встретиться, – сказал Прокофьев. – Мой сын много рассказывал о вас. Говорил, что вы «легенда». И, как мне кажется, даже немного гордился тем, что посадили его именно вы. – Прокофьев улыбнулся и добавил: – Как бы странно это ни звучало.

– Действительно, странно, – отозвался Турецкий и отхлебнул кофе.

Он чувствовал себя немного глупо. Напротив него сидит человек, сына которого он несколько лет назад упрятал за решетку. А тональность разговора была такой, словно он, Александр Борисович, был строгим учителем, беседующим с отцом неуспевающего ученика. Того самого ученика, которому «строгий учитель Турецкий», ради «его же блага», вlepил двойку.

– Я введу вам в курс дела, – снова заговорил Прокофьев. – Но сначала вы должны пообещать мне, что наш разговор будет строго конфиденциальным.

– Всё, что вы мне скажете, останется между нами, – привычно заверил будущего клиента Турецкий.

Иван Максимович удовлетворенно кивнул.

– Полагаю, так и будет. Вы не из тех, кто нарушает слово. Итак, дело вот в чем. В городке под названием Лебедянск у меня есть театр.

– Театр? – вскинул брови Турецкий.

Прокофьев кивнул:

– Именно так. Когда-то «Глобус» был городским театром, но несколько лет назад я выкупил его у города и стал его полновластным хозяином.

– Поздравляю, – сказал Турецкий.

– Спасибо, – абсолютно серьезно ответил Прокофьев. – Театр «Глобус» имеет богатую историю. Сто лет назад его основал один лебедянский меценат – купец по фамилии Ларионов. Тот не жалел денег на его содержание, выписывал лучших актеров из обеих столиц, и очень быстро «Глобус» приобрел славу лучшего театра в губернии.

– Приятно слышать, – брякнул Александр Борисович, сдерживая зевок. – Но нельзя ли поближе к делу?

Иван Максимович посмотрел на сыщика и прищурился.

– Да, вы правы. Я начал слишком издаleка. Просто я очень люблю свой театр и готов рассказывать о нем часами.

«Только не это», – с усмешкой подумал Турецкий.

– Тогда, пожалуй, я сразу перейду к делу, а потом уже мы побеседуем о нюансах.

– Это было бы великолепно, – заметил Александр Борисович.

– Дело, собственно, вот в чем. Четыре дня назад пропала одна наша артистка. И не просто артистка, а выражаясь театральным языком, «прима»! Екатерина Шиманова. Она играла главные роли во всех наших постановках. При этом ей всего двадцать семь лет.

– Она у вас и старух играла? – поинтересовался Турецкий, едва не зевнув. Еще не успев начаться, эта история уже ему наскучила. Какой-то провинциальный театр. Какая-то пропавшая актриса, которая – с вероятностью девяносто процентов – загуляла перед праздниками с каким-нибудь денежным ухажером. Может быть, он увез ее в Крым. Или на Гавайи. Или к черту на кулички. Какая, в сущности, разница?

– Екатерина Шиманова могла сыграть что угодно, – сдержанно ответил Прокофьев. – Я говорю не как владелец театра, а как его художественный руководитель. Она – гениальная актриса!

«Что же она до сих пор торчит в вашем Лебедянске, если такая гениальная?» – хотел спросить Турецкий, но сдержался. Сейчас его в этом деле интересовало только одно – гонорар. Если бы не больной мальчик, он давно бы плюнул и сделал театру «ручкой». Однако ситуация не располагала к подобным выходкам.

– Итак, она пропала, – сказал Александр Борисович. – Как вы это обнаружили и что предприняли для ее поисков?

– Четыре дня назад она должна была играть Снегурочку в постановке по Римскому-Корсакову.

– Опера?

– Скорее, новогоднее шоу с элементами мюзикла. Спектакль начинался в семь часов вечера. Она позвонила в полшестого. Сказала, что уже едет, и что через десять минут будет в гримерке.

– Она всегда приезжала в притык?

Иван Максимович вздохнул.

– Почти. Назвать очень дисциплинированным человеком Катю нельзя. Пару раз она едва не опоздала к началу спектакля и заставила нас здорово понервничать.

– Могу себе представить, – усмехнулся Турецкий. – Я вас перебил. Продолжайте, пожалуйста.

– Да, собственно, продолжать почти нечего. Она так и не приехала в театр. Ни через десять минут, ни через час... Она вообще не приехала. Мы кое-как выкрутились... Выпустили на сцену артистку из второго состава. Тем не менее, факт остается фактом – Екатерина Шиманова пропала.

– Гм... – Александр Борисович задумчиво нахмурил лоб. – Она ехала на такси или на своей машине?

– Видимо, на такси. Машина у нее была, но Катя всегда боялась... то есть, боится садиться за руль. – Прокофьев слегка покраснел. – Простите, я не хотел бы говорить о ней в прошедшем времени.

– Ничего, бывает. Екатерина замужем?

Иван Максимович покачал головой:

– Нет, и никогда не была.

– Детей тоже нет?

– Нет, – вновь проговорил Прокофьев. И грустно добавил: – Хотя детишек она любит.

– Ее родители богаты?

– Ну... отец Кати – довольно состоятельный человек. Он владеет автосалоном, заправками, чем-то еще. Кроме того, он – основной спонсор нашего театра, – скромно добавил Прокофьев.

– Ему никто не звонил, не предлагал выкупить дочь? – быстро спросил Александр Борисович.

– Нет, – твердо ответил Иван Максимович.

– Ясно, – задумчиво проговорил Турецкий. – Эта ваша Катя – она красивая женщина?

– О! Очень красивая! – Прокофьев улыбнулся. – Восемь лет назад она даже победила на городском конкурсе красоты. С тех пор красота ее ничуть не увяла, скорей даже наоборот!

– Значит, у нее должен быть жених. Ну, или просто парень.

– Гм... – Иван Максимович облизнул губы. – Ее руки домогался один... местный хулиган. Даже не хулиган, а так, полное ничтожество. Некий Алексей Данилов. Он приходил к ней свататься, но Сергей Николаевич спустил его с лестницы.

– Сергей Николаевич это?...

– Это ее отец, – пояснил Прокофьев. – Сергей Николаевич Шиманов.

– Ясно. А как насчет самой Екатерины? Она любила этого парня?

Прокофьев нахмурился.

– Этого никто сказать не может. Они встречались некоторое время. Потом, вроде бы, расстались. Видимо, он просто наскучил Кате. Поняв, что теряет любимую, Данилов сделал ей предложение.

– В тот самый день, когда отец Кати спустил ее с лестницы?

– Именно, – кивнул Иван Максимович. – Он пришел с цветами, в костюме и при галстук. Но Катя даже не стала с ним разговаривать. Она ушла к себе в комнату. Но Данилов – очень упрямый парень. Он решил переговорить с Сергеем Николаевичем. Не понимаю, как он мог рассчитывать на согласие? – Прокофьев усмехнулся. – Когда-то он работал механиком в автосалоне, но полгода назад его выгнали за пьянство. С тех пор он нигде не работал.

– На что же он жил?

– Бабка завещала ему квартиру со всем содержимым. Там было много антикварной рухляди: бронза, фарфор, старинная мебель. Впрочем, ничего по настоящему ценного.

– Откуда вы знаете?

– Хозяин антикварной лавки – мой приятель, – пояснил Прокофьев. – За полгода парень распродал всё, что можно было продать.

– И все вырученные деньги потратил на Катю? – уточнил Турецкий.

Иван Максимович тонко усмехнулся.

– Красивая подруга – дорогое удовольствие, – сказал он. – Катя любила... то есть, любит развлекаться. Рестораны, ночные клубы, поездки к озеру на уик-энд. Но, с другой стороны, на что же он рассчитывал? Такая женщина не может сидеть с утра до вечера дома и варить ему куриные бульоны... из кубиков.

– Да, вы правы, – согласился Александр Борисович, доставая из кармана сигареты. – Полагаю, с парнем уже побеседовали?

– Да, и очень пристрастно, – ответил Прокофьев.

– Ну, и?

– Он ничего не знает. Кроме того, у него есть алиби. Он весь вечер просидел в баре с приятелями. Его там видели, как минимум, человек десять.

– Ясно, – проговорил Турецкий. – Полагаю, милиция её уже ищет?

Иван Максимович замялся.

– Видите ли, Александр Борисович, наш театр очень старый, – с вежливой улыбкой говорил Прокофьев. – И он... как бы это получше сказать?... В общем, у него есть определенная репутация. Отличная репутация, добавил бы я. Эта репутация складывалась не месяцами и не годами, она складывалась десятилетиями! Да-да, не улыбайтесь.

– И не думал улыбаться.

– Мы не можем позволить себе бросить даже малую тень на наш театр, – сказал Иван Максимович, скорбно сложив брови.

– Да, я понимаю, – снова кивнул Турецкий. – Именно поэтому вы решили не обращаться в милицию?

– Совершенно верно. Мы решили обратиться к вам. Вы поможете нам, Александр Борисович?

– Я готов попробовать, – ответил Турецкий деловито. – Если сойдемся в цене.

Иван Максимович сухо улыбнулся.

– Деньги не проблема. Сергей Николаевич, как вы понимаете, за ценой не постоит. Он готов на все ради счастья дочери и репутации театра.

– Он так любит театр?

– Да, любит. Всегда любил. В юности он даже пытался поступить в театральный институт. И не один раз. Даже став бизнесменом, Сергей Николаевич никогда не пропускал ни одной нашей премьеры.

– Стало быть, дочь осуществила его мечту, – сказал Турецкий. – А что насчет ее матери? Она такая же одержимая театралка?

– Увы, – грустно произнес Иван Максимович, – мать Екатерины Сергеевны умерла два года назад. Поскользнулась на льду и упала. Перелом позвоночника. Сейчас у Сергея Николаевича другая жена.

– Надо полагать, молодая и красивая?

– Угадали. – Прокофьев едва заметно усмехнулся. – Они вместе уже полтора года. Нинель – очень хорошая женщина.

– Екатерина с ней ладит?

Иван Максимович улыбнулся:

– Еще как! Молодая мачеха стала ей лучшей подругой. Хотя... Нинель не очень любит театр. Однако они вместе ходили в фитнес-клуб, регулярно всей семьей выезжали за город на пикники. Несколько раз втроем ездили за границу. Так что, в этом плане у них было полное взаимопонимание.

«Как всегда, – подумал Турецкий. – В таких семьях всегда всё в порядке, пока не копнешь поглубже».

Прокофьев поднял руку и глянул на часы.

– Кстати, через пару минут Сергей Николаевич будет здесь, – сообщил он.

– Ясно, – сказал Турецкий. – Вы у него, вроде как, «на разогреве». Ввели меня в курс дела, чтобы он сразу взял быка за рога.

Прокофьев улыбнулся.

– Можно сказать и так. А, вон и он идет!

Турецкий глянул в окно. От стоянки к двери бара уверенной походкой шагал высокий, широкоплечий мужчина в коричневом пальто. Он был смугл и черноволос, но на висках уже серебрилась седина.

– Всегда точен, как часы! – с улыбкой сказал Прокофьев.

Не прошло и минуты, как Шиманов оказался возле стола.

– Сергей Николаевич Шиманов, – представился он густым басом, пожимая руку Турецкому.

– Александр Борисович Турецкий.

– Очень приятно.

Он сел за столик, подозвал официанта и сказал:

– Двойной эспрессо. Только быстро. – Затем повернулся к Турецкому. – Иван Максимович уже рассказал вам о нашей проблеме? – спросил он.

«Проблема, – подумал Турецкий. – Он называет это „проблема“. Любой другой на его месте сказал бы „горе“.

– Да, я уже в курсе.

– Когда вы можете выехать в Лебедянск?

– Если мы договоримся насчет гонорара, то прямо сегодня, – ответил Александр Борисович.

Прокофьев поднялся со стула.

– Прошу прощения, но мне пора идти, – сказал он с вежливой улыбкой. – Чрезвычайно рад был с вами познакомиться, Александр Борисович! И еще раз спасибо вам за моего Славика. Как выяснилось, вовремя «сесть» – это тоже удача.

Дождавшись, пока Прокофьев уйдет, Шиманов пробасил:

– Итак, обговорим вопрос гонорара. Сколько вы хотите, Александр Борисович?

– Тридцать тысяч долларов, – ответил Александр Борисович, спокойно глядя бизнесмену в глаза.

– Это большие деньги, – сказал Сергей Николаевич.

– Я знаю. Но речь идет о вашей дочери.

Шиманов подумал и кивнул:

– Да, вы правы. Но, кроме того, что я отец, я еще и бизнесмен. Как бы дико и неуместно это ни звучало. А потому давайте договоримся так: в случае, если моя дочь найдется и с ней все будет в порядке, вы получите... пятьдесят тысяч долларов. Если нет, я покрою ваши расходы и выпишу вам чек на пять тысяч. Как вам такие условия?

Турецкий склонил голову набок и задумчиво посмотрел на бизнесмена. В лице Шиманова, в его блестящих глазах, в цвете его лица, манере дергать уголком губ – было нечто такое, что безошибочно выдавало... «А может быть, я и не прав, – подумал Александр Борисович, осаживая себя. – Бизнесмен подобного уровня не может быть кокаином. Хотя почему нет? Втянуть носом дорожку кокаина – отличный способ снять стресс после тяжелого трудового дня».

– Видимо, вы очень хладнокровный человек, – сказал Турецкий. – Что ж, ваши условия кажутся мне справедливыми.

Сергей Николаевич кивнул:

– Вот и отлично. Должно быть, я кажусь вам чудовищем?

– Почему?

– Ну... вы, вероятно, ожидали, что я скажу что-нибудь вроде: «Я согласен на любые деньги, только найдите мне мою дочь!»

– Признаться, обычно родители пропавших детей говорят именно так, – заметил Турецкий.

Шиманов помолчал. Затем сказал – тихо и спокойно:

– Я очень люблю свою дочь, Александр Борисович. И я сделаю всё, чтобы найти ее. Однако вам я плачу не за дочь, а за вашу работу. Как любому наемному служащему. Полагаю, это справедливо?

– Вполне, – согласился Турецкий.

– Значит, мы договорились. Чек на пять тысяч я выпишу вам прямо сейчас. Плюс – две тысячи на расходы. Этого ведь достаточно?

– Увидим, – ответим Александр Борисович.

– В случае, если ваши усилия окажутся бесплодными, аванс останется у вас.

– Вы настоящий делец, – сказал Александр Турецкий, едва сдерживаясь, чтобы не усмехнуться. – Если вы не против, мы подпишем договор прямо сейчас.

Шиманов не возражал. Александр Борисович достал из сумки бланки договора и протянул их Сергею Николаевичу. Тот всё внимательно прочел, заполнил пустые графы и затем размашисто расписался.

– Дело сделано, – сказал он, протягивая Александру Борисовичу его вариант договора. – Осталось вручить вам деньги и получить от вас расписку.

Шиманов достал из кармана чековую книжку и авторучку. Проставил сумму, неторопливо расписался и протянул чек Турецкому. Взамен Александр Борисович быстро набросал расписку, украсил ее своим стремительным автографом и передал Шиманову. Сделка, таким образом, была совершена.

– Да, я забыл сказать вам еще про одно условие, – заговорил Сергей Николаевич странным голосом, который показался Турецкому зловещим.

– Что за условие?

– Если моя дочь погибнет, и я не найду виновных, за ее смерть ответите вы. Лично. Брови Турецкого взлетели вверх.

– Это что, шутка? – холодно спросил он.

Сергей Николаевич покачал головой.

– Нет, я не шучу. Если Катя погибнет, я буду считать, что в ее смерти виноваты вы. Это будет для вас хорошим стимулом. И вы будете знать, что, рискуя ее жизнью, вы рискуете своей.

– Мне ваше условие кажется идиотским, – сказал Турецкий раздраженно. – Вы, похоже, не до конца понимаете, с кем имеете дело. При необходимости я могу привлечь к делу МУР и Генпрокуратуру.

Шиманов усмехнулся и кивнул.

– Да, я наводил о вас справки, и знаю, что у вас богатые связи. Но меня это не остановит. Ради дочери я пойду на всё. Надеюсь, что то же самое вы готовы сделать ради безопасности жены.

– При чем здесь моя жена? – насторожился Турецкий.

– Вашу жену зовут Ирина Генриховна Турецкая, – медленно и четко произнес Шиманов. – В данный момент она направляется в офис компании «Ти Джей Электроникс», чтобы провести с сотрудниками психологические тренинги.

– Что это значит? – сухо спросил Александр Борисович.

– Это значит, что пока вы ведете следствие, я буду следить за каждым шагом вашей жены, – спокойно пробасил Шиманов. – Если мне не понравится ваша работа, я оставляю за собой право наказать вас так, как посчитаю нужным.

Турецкий побледнел.

– Вы угрожаете моей семье?

Шиманов качнул большой головой:

– Нет. Но я хочу, чтобы вы знали: отныне жизнь вашей супруги зависит от того, насколько успешно вы проведете расследование. Мы совершили сделку. Вы получили аванс и теперь работаете на меня.

Некоторое время Александр Борисович молча и угрюмо разглядывая Шиманова. Потом вздохнул.

– Похоже, вы действительно, не шутите, – сказал он. – Хорошо, я возьмусь за это дело. Но имейте в виду: если с головы моей жены упадет хоть один волос, я достану вас из-под земли.

– В этом я не сомневаюсь, – спокойно ответил Сергей Николаевич. – И я запомню всё, что вы сказали. Приступайте к работе, господин Турецкий. Время не на нашей стороне, и мы не должны медлить.

## 7

– Ну, как? – с тревогой и любопытством спросила Ирина, когда Турецкий переоделся и сел за стол.

Александр Борисович откусил кусок пирога с рыбой и похвалил:

– Вкусно!

Ирина улыбнулась.

– Дурень, я не об этом. Как твое новое дело. Ты взялся за него?

– Слушай, Ир, а не слишком ли мало в пироге лука?

– Турецкий, не заговаривай мне зубы.

– Ладно. – Александр Борисович отхлебнул чаю и сказал: – Завтра утром я вылетаю в Лебединск.

– О, Господи! Где это?

– Там! – неопределенно махнул рукой Турецкий. – С Плетневым я уже переговорил. Дело Митрохина они доведут до конца без меня.

Ирина прищурила голубые глаза.

– Ты же говоришь, что тебе этот Митрохин не нравится. Собирался сам его контролировать.

– Ну, мало ли кто мне не нравится, – пожал плечами Александр Борисович. – Ты же знаешь, я часто склонен преувеличивать. Дело, в общем, пустяковое. Плетнев справится и без меня.

– Ну, допустим, – согласилась после паузы Ирина. – А что за дело в Лебединске? Надолго?

– Не думаю, что надолго. У одного мецената пропала дочь. Актриса местного театра. Ехала на спектакль, да так и не доехала.

Веки Ирины дрогнули.

– Бедная девочка, – проговорила она. – Милиция ищет?

Александр Борисович покачал головой:

– Нет.

– Почему?

– Отец не хочет огласки.

– Глупости какие, – поморщилась Ирина. – Какая разница – огласка или нет. Главное, дочь найти!

Турецкий усмехнулся:

– У богатых свои причуды. Кстати, если я ее найду, этот лебединский Рокфеллер готов заплатить пятьдесят тысяч долларов.

– Пятьдесят? – Лицо Ирины вытянулось. – Ну... хотя бы понятно, что он любит свою дочь, если готов платить такие деньги. А если не найдешь?

По лицу Турецкого пробежала тень, и это не укрылось от внимательного взгляда жены.

– Что? – с тревогой в голосе спросила она.

Он через силу улыбнулся.

– В этом случае я оставлю у себя аванс. Пять тысяч. Это, конечно, не пятьдесят, но тоже кое-что.

Ирина задумалась.

– Ты знаешь... – тихо произнесла она. – Мне почему-то не нравится эта история.

– Она и не должна тебе нравиться, – пожал плечами Александр Борисович. – Это работа.

И не самая приятная работа.

– А... – начала было Ирина, но осеклась.

– Что? – спросил Турецкий.

Она покачала головой:

– Да нет, ничего. – Ирина положила руку на ладонь мужа. – Ты там береги себя, хорошо?

– Хорошо.

– И не лезь на рожон. Прошлый год был тяжелым для нас обоих. Я не хочу, чтобы он повторился.

Александр Борисович улыбнулся и погладил жену по волосам.

– Не волнуйся, малыш, я воробей стреляный, и в обиду себя не дам.

Он наклонился и поцеловал жену в губы.

– Где ты там будешь жить? – спросила Ирина.

– В гостинице. Президентский номер уже заказан, – с улыбкой сказал Александр Борисович.

– О! – Ирина засмеялась. – В таком случае, думаю, ты там надолго задержишься! Полагаю, обеды и ужины в ресторане твой клиент тоже оплатит?

– А как же! Разве «крутой московский сыщик» может питаться в какой-нибудь дешевой забегаловке? Нам подавай французскую кухню. В крайнем случае – китайскую!

– Балда ты, Турецкий! – весело сказала Ирина и чмокнула мужа в нос. – Ладно, пойду соберу тебе чемодан. Сам-то ты наверняка что-нибудь забудешь.

– Заботушка ты моя, – ласково и насмешливо произнес Александр Борисович. – Что бы я без тебя делал?

– Нашел бы себе другую жену, – пожала плечами Ирина. – У «крутого московского сыщика» с этим не может быть проблем.

– Ты права, – кивнул Турецкий. – Надо будет попрактиковаться в Лебедянске.

## 8

Это был обычный московский двор. Темный – по причине позднего часа, влажный – по причине прошедшего недавно дождя, и довольно тесный – по причине того, что находился почти в центре Москвы, а здесь особо не разгуляешься – каждый метр земли на весь золота.

Плетнев вспомнил двор своего родного дома, двор, в котором прошло всё его детство, за сотни километров отсюда – большой, неухоженный, поросший сиренью и чахлой рябиной, с длинными рядами белья, вывешенного для просушки предприимчивыми жителями первых этажей. Двор, больше похожий на пустырь, чем на площадку для игр, и тем не менее оставшийся в памяти как лучшее место на земле. Плетнев вспомнил свой двор и улыбнулся.

– Чего вы улыбаетесь? – поинтересовался Митрохин с заднего сидения машины.

– Так, вспомнил кое-что.

Митрохин проворчал что-то невразумительное и снова уставился в окно автомобиля.

– Вон тот подъезд его. Угловой. Он как раз отсюда виден.

Дом был шикарный. Или, как нынче принято говорить, элитный. Эркеры, арки, изящные и просторные балконы, даже что-то вроде классических портиков на торцах здания. Несмотря на бросающуюся в глаза роскошь, всё это выглядело довольно безвкусно.

– Сейчас я ему позвоню и всё уточню, – сказал Митрохин доставая из кармана телефон.

– Алло, Иван Палыч? – забубнил он в трубку. – Да, Митрохин беспокоит... Нет-нет, всё остается в силе... Конечно... Нет, время и место остаются те же. Только постарайся не опаздывать, ладно?... Есть за тобой такой грешок, не спорь... Ладно... Хорошо. До встречи.

Митрохин убрал телефон и хрипло вздохнул.

– Ну, что там? – спросил Плетнев.

– Сейчас он выйдет, – угрюмо произнес Митрохин. – Он подтвердить встречу. Через полчаса в казино «Мемфис». Знаете, где это?

– Знаю.

– Я еду туда первым, а вы следите за ним... Вот его фото.

Плетнев взял снимок из толстых пальцем Митрохина и взглянул на него. С глянцевої фотографии на него глянуло худое, самодовольное и довольно добродушное лицо.

– На вид благообразный, – заметил Плетнев равнодушным голосом.

Митрохин сзади злобно хохотнул.

– Этот благообразный должен мне огромные деньги, – сказал он. Помолчал и добавил: – И ему проще прикончить меня, чем вернуть долг.

– Странно. В наше время так проблемы уже не решают, – заметил Плетнев.

– Решают, – веско возразил Митрохин. – Это всегда лучший способ. Всегда, везде и в любое время. А я... – Он сплотнул слюну. – Я больше не могу жить в страхе. И не хочу. Мы разрубим этот узел сегодня же.

Плетнев спрятал фотографию Симонова в карман и задумчиво проговорил:

– Если взрывное устройство при нем, мы можем вызвать наряд и взять его прямо сейчас. Это будет намного проще и безопасней, вам не кажется?

Говоря это, Плетнев взгляделся в темную глубину двора. Над подъездом горела лампочка, но сам двор был почти не освещен. «Довольно странно для элитных домов», – подумал Плетнев, еще больше мрачней.

– Так как? – переспросил он. – Вызвать наряд?

– И дать ему два года, или сколько там у вас за хранение, а то и вообще отпустить? – Митрохин хрипло рассмеялся. – Ну, уж нет! Мы будем действовать наверняка. По-взрослому. Возьмите его с поличным, когда он будет крепить взрывчатку к моей машине. Я не хочу рисковать.

Плетнев глянул в зеркальце заднего обзора на толстую, потную физиономию Митрохина и спросил:

– Скажите, Митрохин, с чего вы, вообще, взяли, что это произойдет сегодня?

Митрохин встретился с Плетневым взглядом и угрюмо пробурчал:

– Господин Плетнев, у вас свои информаторы, а у меня свои. И я им доверяю.

– И все-таки... – гнул свое Плетнев. – Почему вы не обратились в милицию?

Толстая щека Митрохина нервно дернулась, словно невидимая рука дала ему пощечину.

– У этого сучонка *там...* – Он показал пальцем наверх. – Есть влиятельные друзья. И вообще, что за вопросы такие? Вам что, мало денег?

– Просто не люблю сложностей, – небрежно ответил Плетнев. – Чем проще схема, тем надежнее.

– Зато за сложные схемы дороже платят. И хватит об этом.

– Хватит так хватит, – пожал плечами Плетнев.

Около минуты они сидели молча.

– Вон он! – воскликнул вдруг Митрохин и ткнул толстым пальцем в окно.

Плетнев увидел, как из дома вышел высокий худой человек в куртке. Человек неторопливо зашагал к лимузину, припаркованному прямо возле подъезда.

– Это Симонов! – хрипло и возбужденно прошептал Митрохин. – Мой партнер. И сегодня он сделает попытку меня убить.

«Дай Бог, чтобы это произошло именно сегодня», – подумал Плетнев. Ему до тошноты надоел и Митрохин, и всё это «дело», от которого – по неизвестной, впрочем, причине – Плетнева с души воротило. Что-то тут было нечисто. Но что?

Митрохин, тем временем, прижал толстый нос к окну и внимательно наблюдал за худым мужчиной, который забирался в лимузин.

– Он не сразу поедет в казино, он заедет к своей любовнице. Он всегда так делает – на счастье.

– На счастье?

– Да. Он считает, что эта дура приносит ему удачу. Так что у меня будет время оказаться в казино раньше его. Вы следуйте за ним, а я поеду в «Мемфис».

– Хорошо, – небрежно ответил Плетнев, которого стал уже раздражать командный тон Митрохина.

– И постарайтесь ничего не испортить, – едко проговорил Митрохин, выбираясь из машины.

Плетнев глянул через плечо на его грузную фигуру и испытал жгучее желание дать бизнесмену хорошего пинка. Но, к сожалению, не все желания можно удовлетворить.

Плетнев вздохнул и повернул ключ зажигания.

## 9

Полчаса спустя Плетнев позвонил Митрохину.

– Ну, что там? – немедленно отозвался Митрохин.

– Он только что вышел от любовницы и сел в машину. Вы уверены, что он направится в казино?

– Уверен. Следуйте за ним. План действий помните?

«Разумеется», – хотел ответить Плетнев, но не успел, потому что Митрохин затараторил вновь:

– Я буду всё время с ним! Когда это произойдет, я не знаю, но он обязательно улучит момент чтобы выйти к моей машине. И в этот момент вы должны быть рядом. Смотрите, не провороньте!

Плетнев отключил связь и сунул телефон в карман.

Митрохин раздражал его все больше. Во всем его облике, в его манере улыбаться, смеяться, сморкаться и вести разговор было что-то нечистое... лживое, что ли.

Есть такой разряд людей: поговоришь с ними пять минут, и чувствуешь, словно тебя макнули головой в ведро с помоями. Хотя ничего такого сказано в разговоре не было. Но... есть субъекты, глядя на которых, испытываешь стыд за человеческую расу. Перед кем? Перед Господом Богом, наверное.

Плетнев двигался за лимузином, стараясь не потерять его из виду. В кармане зазвонил мобильный телефон. При мысли о том, что он сейчас услышит голос Митрохина, Антон Плетнев поморщился. Но работа есть работа.

– Слушаю, – сказал он в трубку.

– Антон, это я.

– Саша! – Плетнев был рад услышать Турецкого. – Как ты?

– Нормально. Сажусь в самолет. Что там с делом Митрохина?

– Да вот, еду за его партнером к казино. Митрохин по-прежнему уверен, что покушение произойдет именно сегодня.

– Упрямый.

– Не то слово.

– Ты там будь осторожнее. Мне кажется, дело нечисто. В любом случае, ни во что не впутывайся. Будь сторонним наблюдателем. Сунешь голову в петлю, – и она затянется на твоей шее.

Плетнев усмехнулся.

– Саш, ну, чего ты меня «лечишь»?

– Потому что волнуюсь. Чутье мне подсказывает, что мы ещё нахлебаемся грязи с этим Митрохиным. Впрочем, если будем действовать осторожно...

– За это не волнуйся. Я буду осторожен, как девственница на первом свидании.

– Хорошее сравнение, – усмехнулся Александр Борисович. – Ладно, не буду тебя отвлекать. Держись. Да, и не вздумай сам соваться к машине! Обязательно дождись саперов.

– Александр Борисович... – с упреком проговорил Плетнев.

– Ну, всё, всё. Удачи!

После разговора с Турецким на душе у Антона стало чуточку полегче.

Между тем, лимузин въехал на стоянку казино «Мемфис» и остановился. Дверца открылась, худой мужчина выбрался из салона, пискнул сигнализацией и направился к двери казино.

Машина Плетнева остановилась неподалеку. Он заглушил мотор и проводил худого мужчину прищуренным взглядом, пока тот не скрылся за дверью казино. Плетнев быстро набрал номер Митрохина.

– Илья Иванович, Симонов только что вошел в казино.

– Ясно. Если план изменится, я вам позвоню.

Плетнев убрал телефон и приготовился ждать. Пожалуй, самой неприятной частью работы детектива были вот эти бесконечные ожидания. Минуты текут неспешно. Час проходит за часов с мучительной медлительностью. Начинающему наблюдателю эти минуты и часы кажутся пыткой. Опытный наблюдатель умеет расслабиться и как бы выпасть из времени, впасть в какой-то странный, не определенный наукой вид анабиоза, и при этом – не уснуть, не потерять внимания и сосредоточенности.

Ты словно переключаешь в сознание какой-то рычажок, и заставляешь мозг работать в особом режиме.

Думая об этом Плетнев всегда вспоминал один случай из детства. Когда Антону было лет одиннадцать, двоюродный дед впервые взял его с собой на охоту. В воображении Антона охота представлялась чем-то вроде увлекательной игры. Ты вступаешь в схватку с разъяренным зверем, напрягаешь все физические и душевные силы и выходишь из схватки победителем.

За этим следует приятный ужин в деревянном доме с потрескивающим камином, охотничьи байки и огромная звериная шкура, расстеленная на полу.

На деле все оказалось иначе. Около четырех часов Антон и его двоюродный дед сидели в засаде. За это время восточный ветер успел смениться северо-западным, прошел дождь, выпал первый снег... А они все сидели и ждали. Час-второй-третий-четвертый... И казалось, этому унылому занятию не будет ни конца, ни краю.

А когда зверь появился, у Антона уже не осталось ни сил, ни желания, чтобы продолжать охоту. Он просто отупело смотрел, как дед стреляет из ружья, кричит кому-то, куда-то бежит...

– Ну, как? – спросил потом дед. – Тебе понравилась охота?

– Да, – соврал Антон, опасаясь, как бы дед не назвал его слабаком.

– В следующий раз поедешь со мной?

– Да, – снова сказал Антон, совсем падая духом. – А мы опять будем сидеть в засаде?

– А как ж! – пристально глядя в лицо Антону и усмехаясь, ответил дед. – В охоте засада – первое дело. Ничего, в следующий раз будет легче. Это я тебе обещаю.

Но следующего раза не случилось. Через пару дней выяснилось, что на охоте дед подхватил крупозную пневмонию легких. Деда увезли в городскую больницу, где он и умер спустя неделю.

С тех пор Антон Плетнев не любил охоту. И терпеть не мог сидеть в засаде.

И всё-таки работа есть работа. И если уж взялся за работу, будь добр, сделай ее на совесть.

В ожидании прошло около получаса. Наконец, из казино – без куртки, в рубашке и пиджаке – вышел Симонов. Он быстро зашагал к автостоянке.

– Так-так, – сказал себе Плетнев, встрепенувшись. – Кажется, началось.

Он взял с сидения цифровую видеокамеру и, нажав на зум, быстро поймал Симонова в объектив. Теперь Плетнев мог разобрать даже выражение его лица. Симонов подошел к джипу Митрохина, открыл дверцу ключом, но забираться внутрь не стал.

Вместо этого Симонов нагнулся к бардачку.

– Оп-па, – усмехнулся Плетнев, еще больше приближая изображение. – Кажется, Митрохин не ошибся, и ты впрямь собираешься...

Договорить он не успел. Яркая вспышка ослепила Плетнева – так, что он едва не выронил видеокамеру. В то же мгновение автостоянку потряс оглушительный взрыв. Яркие языки пламени вырвались из салона и заплясали на капоте джипа.

Немного оправившись от шока, Плетнев швырнул камеру на сидение, а сам выскочил из машины. И тут он увидел Симонова. Вернее, – то, что от него осталось. Взрыв отбросил его метра на четыре от машины. Пиджак и брюки сорвало взрывной волной. Тело Симонова представляло собой охваченную пламенем груды человеческого мяса.

Плетнев покачнулся и вдруг перегнулся пополам – его мучительно и шумно вырвало.  
– Что? – услышал он над ухом вопль Митрохина. – Что вы наделали?

Плетнев выпрямился, вытер рот рукавом и сказал, глядя на толстое, покрытое пылающими бисеринками пота лицо Митрохина.

– Ваша машина только что взорвалась. Вместе с объектом.

Митрохин затрясся от ярости.

– Вы что, идиот? – заорал он. – Вы понимаете, что вы сделали?

Плетнев поморщился и посмотрел рассеянным взглядом на сбегающихся со всех сторон людей.

– Я ничего не делал, – проговорил он тихо. И повторил: – Ничего.

– Ничего не сделали? – продолжал орать Митрохин. – Да из-за вашего непрофессионализма я потерял машину и партнера!

– Вы не...

– Какого черта! Как мне теперь разбираться с его долей?

Плетнев посмотрел на догорающий труп и через силу усмехнулся.

– Теперь он вас не убьет, это точно.

– Это что, шутка? – рявкнул Митрохин. – Он всего-навсего должен был сесть в тюрьму! – Толстяк посмотрел на пылающую машину, достал из кармана платок и промокнул мокрое от пота лицо. – Хорошо, что хоть я жив остался, – пробормотал он.

## 10

В тот же вечер между ними состоялся телефонный разговор. Плетнев сидел в баре и приканчивал третью кружку пива. Однако все никак не мог прийти в себя после увиденного. Митрохин позвонил сам.

– Вы провалили дело, – сказал он грубым, злым голосом. – Я жалею, что обратился именно в ваше агентство.

– Всё случилось слишком неожиданно, – попробовал оправдаться Плетнев.

– Мне плевать, как это случилось. Вы не сделали свою работу. Причины меня не интересуют.

Плетнев кисло усмехнулся.

– Я полагаю, с оплатой проблем не...

– Оплата? – рявкнул Митрохин. – Вы что, издеваетесь? Я еще должен вам платить? Да вы меня под монастырь подвели!.. Ладно, черт с вами. Я не в первый раз плачу идиотам. Аванс оставьте себе и больше никогда не появляйтесь мне на глаза!

– Но...

– А будете спорить, я не только заберу аванс, но и пушу ваше поганое агентство по миру! – продолжил орать Митрохин. – У меня для этого достаточно денег и связей!

Лицо Плетнева помрачнело.

– В этом я не сомневаюсь, – угрюмо сказал он. – Но мы действовали по согласованному плану. И не наша вина, что план не сработал.

– Что-о? И вы еще обвиняете меня?

– Я никого не обвиняю. Я просто пытаюсь вам объяснить, что...

– Только попробуйте попасться мне на глаза, – холодно и внятно произнес Митрохин. И вдруг рявкнул, да так громко, что Плетневу пришлось отодвинуть телефонную трубку от уха: – Я вас уничтожу! Вместе с вашим гадюшником под названием «Глория»!

– И всё же... – начал было говорить Плетнев, однако закончить фразу не успел.

Митрохин отключил связь.

Первым желанием Плетнева было запустить телефоном в стену бара. Но он сдержался. Пусть Митрохин дает волю эмоциям, а он – Антон Плетнев – профессионал. Нужно тщательно и трезво обдумать ситуацию. Митрохин явно собирается сделать из него козла отпущения. Да что из него – из всего агентства! Это-то и было самое неприятное. На то, чтобы создать репутацию, уходят годы, а разрушить её можно за один день.

Что же делать?

Плетнев вздохнул и посмотрел на бокал, словно надеялся, что тот подскажет ему ответ на столь мучительный вопрос. Однако бокал, как и полагается бокалу, хранил молчание.

В принципе, неудачи случались у Плетнева и раньше. Да и хамили ему клиенты не раз. Антон привык пропускать хамские слова и реплики мимо ушей. Но то, что произошло сегодня, не укладывалось в понятие «неудача». Сегодня с Антоном Плетневым случилось страшное. Он впервые за всё время работы в «Глории» усомнился в своем профессионализме.

Когда Антон только начинал, он был всего лишь новичком, неофитом. А новичку свойственно ошибаться. Сегодня ситуация была иная. И Митрохин ясно дал это понять.

Плетнев отхлебнул пива, поразмышлял с минуту, потом снова взялся за телефон. Звонить Турецкому было довольно стыдно. Получалось, что он, Антон Плетнев, провалил выгодное и совсем несложное дело, а теперь вот позвонил – пожаловаться на обманщика-клиента, вытереть нос об жилетку старшего товарища, испросить совета... Отвратительно!

Плетнев вздохнул и уныло набрал номер Александра Борисовича.

– Алло, – бодро отозвался Турецкий.

- Саш, это Плетнев. Ты сейчас где?
- Сажу в такси. Не мог до тебя дозвониться. Как прошла операция?
- Плохо. – И Плетнев подробно рассказал коллеге обо всем, что случилось в минувший вечер.
- Гм... – проговорил Турецкий, когда рассказ был закончен. – Не повезло.
- «Не повезло» – усмехнулся Плетнев.
- Это разве невезение? – буркнул он в трубку. – Наш новый опер ползарплаты в рулетку проиграл, пока наблюдал за Митрохиным и Симоновым – вот это невезение. Не сидеть же ему с газетой на диване.
- Ты уже с ним поговорил?
- Конечно. Наш клиент и ныне покойный партнер его мирно ворковали, улыбались. А потом Митрохин что-то шепнул партнеру на ухо, будто попросил чего, сунул ему что-то маленькое в руку, прости – рентгеновским зрением не обладаю, и тот пошел на улицу. Об остальном ты уже знаешь.
- Турецкий помолчал, обдумывая услышанное.
- Мутная история, – проговорил он после паузы.
- Да уж, – горько сказал Плетнев. – Это еще начало. Боюсь, что завтра мне придется всё это объяснять в следственном отделе. Да и на этом всё не закончится. Если Митрохин поднимет бучу...
- Стоп-стоп, – перебил его Александр Борисович. – Не гони коней.
- Ты это о чем? – не понял Плетнев.
- Почему-то мне кажется, что никаких походов по следственным отделам не будет. Митрохин теперь замнет эту историю для ясности.
- Ты думаешь? – с сомнением произнес Антон, хмуро глядя на бокал с недопитым пивом.
- Уверен. Ему теперь можно жить припеваючи и спать спокойно. А кто, зачем, почему взорвал? Пусть следаки копают. Он будет помалкивать.
- Может, он и деньги заплатит? – с надеждой в голосе спросил Плетнев.
- Вот это вряд ли. Денег мы не увидим. Ибо безвременная смерть должника лишила его такой возможности.
- погоди... – Плетнев нахмурил лоб. – Но ведь ему теперь достанется доля партнера!
- Нет, Антон, – возразил Александр Борисович. – Там не все так просто. У Симонова есть жена, то есть вдова. Она – наследница всего его состояния.
- Это точно? – упавшим голосом спросил Плетнев.
- К гадалке не ходи. Теперь Митрохину предстоит схватка со вдовой. Если, конечно, он заранее ничего на этот случай не придумал. Но это уже его проблемы.
- Н-да, – уныло произнес Плетнев. – У богатых свои причуды. Можешь меня осудить, но мне их заботы, даже трагедии и проблемы, не кажутся человеческими и уж никак не вызывают сопереживания.
- Слушай, если честно, у меня сейчас нет ни времени ни желания философствовать. Я вот что подумал... Если Митрохин задумал какую-то аферу, он мог использовать нас в качестве прикрытия. Так?
- Так, – согласился Плетнев.
- Гм... Ну, а если так, значит... – Александр Борисович замолчал, явно о чем-то раздумывая.
- Значит что? – нетерпеливо спросил Плетнев.
- Значит, мы можем потерять всё.
- Так ведь и я о том же! – снова начал горячиться Плетнев.
- Тише, Антон, не нервничай. Дай-ка секунду подумаю...
- Пока Турецкий думал, Плетнев успел пригубить еще немного пива.

– Вот что мы сделаем, – медленно и задумчиво заговорил Александр Борисович. – Если Митрохин начнет против нас войну, мы должны встретить его во всеоружии.

– Полностью согласен, – горячо подтвердил Плетнев.

– Для этого, – продолжил Турецкий, – мы должны провести расследование и выяснить всю «подноготную» этого мерзавца. Я сегодня же позвоню ребятам в МУР, а ты свяжись со Щеткиным, чтобы он был в курсе.

– Сделаю, – кивнул Плетнев.

– Ладно, Антон, договорим потом. Кажется, я подъезжаю к гостинице. Не унывай! Приеду – разберемся.

– Спасибо за утешение, – с горькой усмешкой сказал Плетнев. – Удачи!

Он отключил связь. На этот раз даже разговор с Турецким, которого он не только безмерно уважал как друга, не смог пролить бальзам на его «израненную душу». Ну, а раз не помог один бальзам, попробуем прибегнуть к помощи другого, решил Плетнев.

Подозвав официанта, он потребовал графинчик водки.

## 11

Город Лебединск оказался не таким уж паршивым и заброшенным местом, как ожидал Александр Борисович Турецкий. Население его составляло девяносто тысяч жителей. И судя по аншлагу в театре «Глобус», как минимум, половина из них были занятыми театральными.

Сегодня вечером давали шекспировского «Генриха IV». Турецкий сидел в первом ряду и с интересом следил за развитием сюжета. Актеры справлялись с ролями неплохо. Разве что Фальстаф был чересчур молод и не достаточно упитан (седой парик и подушка под камзолом почти не спасали ситуацию), а отважный Готспер Горячая Шпора был неубедительно бледен и худосочен. Поэтому, когда он уверял:

Во мне опасность зажигает кровь,  
Не нахожу забавы в травле зайцев:  
Достойнее охотиться на львов, —

– верилось в это с трудом. В остальном игра и внешность актеров не вызвали нареканий.

– Если я вру, – кричала на сцене старая трактирщица, – то нет во мне ни правды, ни совести, ни женской чести!

– Их и нет в тебе, – с ухмылкой сообщил толстяк Фальстаф. – Правды в тебе – что в вареном черносливе, а совести не больше, чем в лисице, выкуренной из норы. Что же касается женской чести, то чего бы то ни было женского в тебе столько же, как в полицейском надзирателе. Пошла отсюда, тварь ты этакая, пошла!

Трактирщица возмущенно заохала, а публика в зале покатила со смеху.

«Театр, в самом деле, процветает, – размышлял Александр Борисович, незаметно оглядывая зал. – Если здесь постоянно такие аншлаги, то Шиманов, будучи спонсором, отнюдь не меценат».

– Я порядочная женщина в законном браке, – продолжала возмущаться трактирщица. – А вот ты, хоть ты и рыцарь и дворянин, а ты подлец, если говоришь обо мне такие гадости!

– А ты, хоть ты и хозяйка, а животное, если все время споришь со мной! – грозно крикнул на нее толстяк.

– Какое такое животное? А? Моментально отвечай, какое животное?

Фальстаф выпятил живот, почесал бороду и выдал:

– Выдра – вот какое!

Какое животное?

Актеры играли так комично, с таким невообразимыми ужимками, что публика в зале покатывалась со смеху.

После того, как спектакль окончился, Турецкий проник за кулисы, чтобы побеседовать с актерами. Первым он выбрал исполнителя роли Фальстафа. Просто потому, что Фальстаф был любимым шекспировским героем Турецкого.

Войдя в гримерку, он посмотрел на актера, который успел вынуть из-под камзола подушку и снять седой парик, превратившись в худощавого, носатого мужчину лет тридцати.

– Сэр Фальстаф, я полагаю? – с улыбкой осведомился Александр Борисович.

– Пусть я стану тухлой селедкой в уксусе или комом протухших сливок, если это не так! – весело пробасил в ответ актер. Он протянул руку Турецкому и представился: – Денис Бычихин! Еще не народный, но уже заслуженный!

– Александр Борисович Турецкий. Раньше... не знаю, кто раньше, но теперь – заслуженный, это точно.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Присаживайтесь, – пригласил актер, указывая на кресло. – Прокофьев мне о вас говорил. Полагаю, вы пришли поговорить о Кате? Ничего, если по ходу разговора я буду стирать грим и переодеваться?

– Ничего. У вас тут можно курить?

– Запросто, – ответил актер.

Александр Борисович закурил, исподволь разглядывая лицо Бычихина, затем спросил:

– Скажите, Денис, куда, по-вашему, могла деться Екатерина Шиманова?

– Куда? – Обрабатывая лицо тампоном, смоченным в лосьоне актер усмехнулся и пожал плечами. – Понятия не имею. Катя – весьма сумасбродная девица. Не удивлюсь, если она объявится завтра утром и скажет, что летала в Париж с каким-нибудь новым ухажером.

– А что, у нее много ухажеров?

– Не знаю. Катя – очень скрытная девушка. Помню года два назад к ней на спектакли таскался какой-то тип. Катя сказала, что это «так, один знакомый». А вскоре я увидел ее «знакомого» в теленовостях, когда он жал руку президенту России.

– Кто это был?

– Какой-то политик из молодых да ранних. Я в них плохо разбираюсь, а имен никогда не запоминаю.

– Екатерина до сих пор поддерживает с ним отношения?

– Да что вы! Это давняя история. С тех пор она сменила полдюжины кавалеров. Только подолгу рядом с ней никто не задерживается.

– Почему?

– Ох, если бы я знал, – улыбнулся актер. – Может быть, она их отшивает. А может, они сами бросают ее. Характер-то у Катки не сахар.

– Кто был ее последним увлечением?

– Последним? Гм... Я несколько раз видел ее с каким-то парнем. Так, ничего особенного. Не звезда, не миллионер, не политик. Точно не помню, кто он, но по-моему, чуть ли не слесарь из автосалона. А может, токарь? В любом случае, простой работяга.

– Вас это не удивило?

Актер повернулся и посмотрел на Турецкого.

– Меня? А почему это должно было меня удивить?

– Ну, не знаю, – пожал плечами Александр Борисович. – Гуляла с политиками и толсто-сумами, а тут снизошла до простого слесаря.

Бычихин улыбнулся.

– А я свечку над их постелью не держал, – иронично сообщил он. – И почему она его выбрала, не знаю. Может, у него мужское достоинство размером с баклажан? А может, мозги, как у Эйнштейна? А может, это судьба. Помните, как у Булгакова в «Мастере и Маргарите»? «Любовь выскочила перед нами внезапно, как убийца с ножом в руке». Может быть, Данилов – ее Мастер, а она – его Маргарита.

При этих словах лицо артиста приобрело какое-то странное выражение. Впрочем, выражение это было мимолетным, и Александр Борисович не взял его в расчет.

– Да уж, Динила-мастер, – усмехнулся Турецкий, погруженный в свои мысли.

Бычихин внимательно на него посмотрел и вдруг рассмеялся.

– Вы знаете, Александр Борисович, женское сердце вообще загадка! Они и сами себя не знают, куда уж нам? «Нам только в битвах выпадает жребий. А им дано, гадая, умереть!»

– Мандельштам?

Актер улыбнулся.

– Пастернак. Так что, Александр Борисович, если вы рассчитывали найти в моем лице помощника, то вынужден вас разочаровать. Я мало общался с Катей вне сцены и совершенно не представляю, куда она исчезла.

– Ясно. А кто может быть в курсе? С кем она дружила?

– Катя-то? Да ни с кем. Она была, что называется, *alone wolf*. Одинокая волчица. Так что, сплошной феерией ее жизнь не назовешь.

Турецкий затянулся сигаретой и спросил:

– У нее был настолько тяжелый характер?

– Не то чтобы тяжелый. Я бы сказал, неуживчивый. С ней можно было быть приятелем, но другом... – Актер грустно улыбнулся и медленно покачал головой.

– А в чем выражалась ее неуживчивость? – спросил Турецкий. – Она с кем-то ссорилась? Ругалась? Может, выясняла с кем-то отношения?

– Нет-нет, ничего подобного, – заверил Турецкого актер. – Она всегда была корректна и сдержана. Когда шутили, улыбалась, когда жаловались на жизнь, кивала. Но мыслями она в это время всегда была далеко. Вы читали Герберта Уэллса?

– Кое-что.

– У него есть один забавный рассказ. Там человек просыпается утром и обнаруживает, что видит перед собой берег моря и пальму. Он пытается дотронуться рукой до пальмы, но рука проваливается и натывается на какую-то вазу, хотя никакой вазы не было видно. Смысл в том, что мужчина по-прежнему был в своей городской квартире, но взгляд его каким-то образом переместился за тысячу миль, на берег моря.

– Действительно, забавно, – сказал Турецкий.

Актер улыбнулся.

– С Катей та же история. Она слушает вас, смотрит на вас, но взгляд ее блуждает далеко отсюда. Она смотрит на вас, а видит перед собой полосу морского прибоя и заходящее солнце. И так всегда. Как видите, дружить с такой девушкой очень нелегко.

– Действительно, – согласился Александр Борисович, пуская дым. – А сколько лет она уже в театре?

– О, много! Мы пришли с ней почти одновременно. Пойдите... когда же это было? – Бычихин задумался. – Лет пять... Нет, шесть назад! Катя тогда только-только закончила театральное училище и пришла работать в театр.

– Где она училась? – спросил Турецкий.

– В Ленинграде... То есть, в Петербурге. В ЛГИТМИКе. Слышали про такой?

– Слышал.

Актер протер лицо влажной салфеткой и сказал:

– Вот, в общем-то, и всё, что я о ней знаю.

Переговорив с Фальстафом, Александр Борисович встретился поочередно с принцем Гарри, Готспером, Нортумберлендом, леди Мортимер и трактирщицей мистрис Куикли. Однако все они, вместе взятые, знали о Екатерине Шимановой не больше, чем Фальстаф.

Выходя из театра, Турецкий нос у носу столкнулся с Шимановым.

– Как продвигается расследование? – осведомился тот.

– Нормально.

Турецкий хотел уйти, но Шиманов удержал его, положив руку на плечо.

– Я не хочу, чтобы вы считали меня своим врагом, Александр Борисович, – пробасил он. – Вы играете на моей стороне, поэтому в этом деле мы с вами – коллеги.

– В «этом деле»? Если не ошибаюсь, речь идет об исчезновении вашей дочери. А вы говорите об этом, как о бизнес-проекте. Странный вы человек, господин Шиманов.

– Я никогда не паникую раньше времени, – сухо сказал Сергей Николаевич. – Это мое основное правило, и я намерен следовать ему до конца.

– Вы просто железный дровосек, – усмехнулся Александр Борисович. – Между тем, возможно, что вашей дочери уже нет в живых.

Шиманов сдвинул брови и холодно произнес:

– Тем хуже для вас.

Турецкий посмотрел на руку бизнесмена, по-прежнему лежащую у него на плече. Шиманов разжал пальцы и убрал руку.

– Мой телефон у вас есть, – сказал Сергей Николаевич. – Можете звонить мне в любое время дня и ночи.

– Вы будете в городе?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.